

Поэтому правильнее было бы говорить не об «увеличении земельных наделов горнозаводского населения при наделении его землей по закону 19 мая 1893 г.», как это трактовалось в официальных документах, а об юридическом признании властями и горнозаводчиками, под влиянием неблагоприятно сложившейся для них расстановки сил в развернувшейся вокруг земельных наделов борьбе, фактически сложившегося землепользования горнозаводского населения, изменить которое им оказалось не под силу. Как мы видели выше, закон 19 мая 1893 г. не предусматривал увеличения наделов, а наоборот, предполагал изъятие у населения значительного количества земель фактического пользования.

Разрешить с помощью закона 19 мая 1893 г. земельный вопрос на посессионных заводах Урала правительству не удалось. Предоставленные по закону в надел угодья, даже с дополнительными прирезками, произведенными после 1905 года, оказались совершенно недостаточными для удовлетворения нужд горнозаводского населения. Надельные земли распределялись среди населения очень неравномерно: наряду с владельцами участков в 70 – 80 дес. оказалось большое количество безземельных и малоземельных мастеровых, имевших клочки в 1 десятину и менее. Выгоны и после увеличения их до 1/2 десятины на наличную душу оставались незначительными; лесные наделы, да и то в недостаточном размере, получила только половина обществ.

Земли горнозаводского населения были расположены в дачах заводовладельцев чрезвычайно чересполосно. На громадные площади угодий, отходящих населению, заводоуправлениями были поданы заявки к обязательному обмену. Поскольку поземельное устройство еще не было завершено, население не могло считать отграниченные наделы своей собственностью. Поэтому и после повторного межевания горнозаводское население посессионных заводов продолжало борьбу за наделение землей в достаточном количестве. К 1917 г. из 113 селений только 54 согласились принять составленные проекты наделов по добровольному приглашению, по остальным же 59 селениям все проекты наделов были обжалованы⁵²⁷. Землеустройство населения посессионных заводов осталось к 1917 г. незавершенным.

Правительство, продолжавшее покровительствовать уральским посессионным горнозаводчикам, не осмелилось в чём-либо ущемить их классовые эгоистические интересы, а без этого, без радикальной ломки крупного землевладения горнозаводчиков, без ликвидации латифундий горнозаводчиков или передачи их в руки государства, то есть национализации земли, радикальное решение аграрного вопроса на посессионных заводах и ликвидация устаревшего посессионного права, и, тем самым, создание более благоприятных условий для развития производительных сил края, были невозможны.

Кроме того, пока правительство не торопясь и очень осторожно, боясь обидеть заводовладельцев-посессионеров, готовило и обсуждало проекты о ликвидации посессионного права и землеустройстве населения посессионных округов, вело ограниченными силами землеустроительные работы, социально-политическая обстановка в стране и регионе, настроения населения и рабочих горнозаводских округов резко изменились. Среди населения и рабочих росли оппозиционные и революционные настроения, убежденность в том, что наделение землей не сможет радикально изменить их материальное положение.

**Н.В. Гришина
Челябинск**

УРАЛ В ПОЛЕ ПРИТЯЖЕНИЯ СТОЛИЧНЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

В XIX – начале XX вв. Урал находился на периферии общероссийской научной жизни и системы высшего образования. Тем не менее, мы можем

⁵²⁷ Понюшев К.Д. Указ соч. С.27.

констатировать, что Уральский регион, несмотря на его удаленность от Москвы и Петербурга, все же оказался в сфере притяжения исторических факультетов столичных университетов.

Московский и Петербургский университеты являлись своеобразными интеллектуальными магнитами, притягивавшими студентов со всей России. Под воздействием культурной мощи двух университетов оказались и жители далекого Урала. Некоторые известные на рубеже XIX – XX вв. историки являлись уроженцами уральских городов. В Челябинске родился и вырос Евгений Францевич Шмурло, чья творческая биография была связана с Петербургским университетом. Александр Александрович Кизеветтер, питомец Московского университета, хоть и родился в Петербурге, но детские и юношеские годы провел «на песчаных степных берегах полуостровного Урала» – в Оренбурге, который называл своей «духовной родиной»⁵²⁸.

Интересны мотивы, которые привели будущих ученых в столицы, ведь ближайшим университетским городом к Челябинску и Оренбургу была Казань. В том, что Евгений Францевич оказался в «северной пальмире» сыграли роль родственные связи. Его дядя Павел Корнильевич Покровский окончил Дерптский университет и к этому времени осел в Петербурге, где занимался преподавательской работой.

В случае с А.А. Кизеветтером выбор университета определился после прочтения будущим историком в далеком Оренбурге докторской диссертации В.О. Ключевского, чье имя как раз приобретало общероссийскую известность. В воспоминаниях Кизеветтер писал: «...Меня неудержимо влекла к себе Москва... И к Москве меня притягивало словно магнит, имя Ключевского...»⁵²⁹

А.А. Кизеветтер одним из первых отметил воспитательное значение Московского университета. В мемуарах историк назвал Московский университет «лучезарным центром кипучей умственной работы», «всероссийским микрокосмом», куда «стекались учащиеся из всех местностей России – и из центра и с окраин – и это обстоятельство сильно способствовало формированию общенационального самосознания»⁵³⁰. Именно «слияние и органическое совмещение служения научной истине со служением общественному благу» А.А. Кизеветтер считал «основой традицией» этого старейшего русского университета⁵³¹.

Став столичными жителями Е.Ф. Шмурло и А.А. Кизеветтер не оставляли свою родину вниманием и заботами, с интересом относились к ее жизни. Так Кизеветтер в 1889 г. вместе с братом совершил путешествие по Уралу, где прошел курс кумысолечения в одной башкирской деревне⁵³². И Евгений Францевич не раз посещал родные места, путешествовал по Уралу вместе с братом Геннадием. Учитывая известность его семьи в городе, каждый приезд историка в Челябинск рассматривался как локальное культурное событие. В 1911 г. «Голос Приуралья» сообщил своим читателям, что в город «из научной поездки по Алтаю» вернулся «учен.-кор. Академии наук в Риме Е.Ф. Шмурло», и что «поездка дала много интересных материалов»⁵³³.

Особенно южноуральцам запомнились попытки историка ликвидировать последствия голода, протатившегося по Уралу в 1890-х гг. Шмурло при поддержке руководства гимназии М.Н. Стоюниной, где он преподавал, организовал в Санкт-Петербурге сбор пожертвований в фонд помощи голодающим⁵³⁴. Во время кампании по

⁵²⁸ Кизеветтер А.А. Воспоминания: Часть 1. Оренбург, 1866 – 1884 гг. (1920-е гг.). / НИОР РГБ. Ф. 566. К. 3. Ед. хр. 6. Л. 33, 34.

⁵²⁹ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881 – 1914. М., 1997. С. 21.

⁵³⁰ См.: Там же. С. 21, 36; Кизеветтер А.А. Москва в русской истории / НИОР РГБ. Ф. 566. К. 6. Ед. хр. 9. Л. 5.

⁵³¹ Кизеветтер А.А. Московский университет и его традиции. Роль Московского университета в культурной жизни России. Прага, 1927. С. 2.

⁵³² НИОР РГБ Ф. 351. К. 1. Ед. хр. 16. Л. 1 – 3.

⁵³³ Голос Приуралья. 1911. 28 августа.

⁵³⁴ Синакевич О.В. Жили-были. Воспоминания // ОР РНБ. Ф. 163. Ед. хр. 316. Л. 174.

борьбе с голодом Шмурло проявил свои организаторские таланты. Задавшись целью помочь голодающим крестьянам, Евгений Францевич «устраивает» на свои деньги бесплатные столовые, помогает крестьянам составить прошение полковнику Косичу, посланному Императорским Двором с целью выяснения обстановки. Косич, считавший «голод» сильно преувеличенной «интеллигентской писаниной», не разделял убеждений Шмурло. Однако энергия ученого дала свои результаты: полковник также выделил 500 рублей личных денег на устройство столовых. При отъезде Косича в Петербург у полковника и историка состоялась примечательная встреча. Как вспоминал сам ученый «...прощаясь и усаживаясь в повозку, он (Косич) сказал мне что-то вроде: «Поменьше увлечения, профессор», а я ему в ответ: «Побольше сердца, полковник...»⁵³⁵

Голод в Челябинском уезде нашел отражение в одном из очерков Е.Ф. Шмурло серии «голодного года»⁵³⁶, опубликованном в 1892 г. в «Северном вестнике». В 1898 г. на страницах газеты «Санкт-Петербургские ведомости» историк освещал борьбу с новой вспышкой голода в Уфимском и Стерлитамакском уездах. Е.Ф. Шмурло считал, что ликвидация последствий голода – забота государственного уровня. Устройство столовых, убежищ для матерей-кормилиц, детских приютов и ночлежек, по мнению Шмурло, являлось «вопросом человечности, гуманности», а «обсеменение полей» – всецело «вопрос государственный»⁵³⁷.

За сухими страницами статистических данных и сравнительных характеристик урожаев разных лет, которые описывает в своих очерках историк, просматривается душа автора. Особенно горько переживал Шмурло свою беспомощность перед лицом страшной напасти. Описывая нужду в селе Петровском Кипельской волости Челябинского уезда, Шмурло заметил: «С каким радостным чувством, окрыленный надеждами, ехал я сюда, когда мне удалось по дороге в Петербурге, собрать для бедняков несколько сотен рублей – и как ничтожны показались эти деньги здесь, каким бессильным явился я перед самим собою!.. Тут и тысячи рублей будут малою каплею»⁵³⁸.

Главной целью публикаций было привлечение внимания общественности к проблеме голода, вследствие этого в очерках синтезируются сухие статистические сведения с ярким рассказом, написанным очень выразительным языком, о жизни и быте в челябинской глубинке, борьбе простого населения региона с напастью голода. Читателю предстает не тот Шмурло, которого можно увидеть в академических монографиях, а публицист, обладающий незаурядным писательским талантом. Статьи Шмурло получили большой общественный резонанс⁵³⁹. Очерк о голоде в Челябинском уезде занял особое место среди его публикаций. В нем отразились переживания Шмурло о «будущности края». Данный очерк стал не только попыткой автора привлечь внимание к проблемам Южного Урала, но и продемонстрировал его желание открыть Челябинск, ставший «начальным пунктом будущего великого пути» – Транссибирской магистрали, для всей «мыслящей России»⁵⁴⁰.

Во многом подобные публикации отразили начало процесса роста популярности Уральского региона. Он становится местом проведения досуга, в том числе и представителей исторического сообщества. В 1893 г. по Южному Уралу путешествовал С.Ф. Платонов. В своих письмах он восхищается уральской природой и красотами края: «Дорогою все восхищался: и долина Миасса, и горы Златоуста и далее – очень хороши!

⁵³⁵ ГАРФ. Ф.5965. Оп.1. Д.8. Л.2.

⁵³⁶ Шмурло Е.Ф. Нужда в Челябинском уезде // Летописцы земли уральской. Челябинск, 1997. С.129-148.

⁵³⁷ Там же. С. 147.

⁵³⁸ Там же. С. 143.

⁵³⁹ Публицистические заметки Е.Ф. Шмурло о голоде на Южном Урале были изданы отдельной книгой: Шмурло Е.Ф. Голодный год. Письма в С.-Петербургские ведомости (1889 - 1899). М., 1900.

⁵⁴⁰ Шмурло Е.Ф. Нужда в Челябинском уезде. С. 129 – 130.

Около Златоуста утром мы вошли в туман, который, с солнечным теплом, превратился в облака, и эти облака поползли, подымаясь по самому городу Златоусту и по горам. Это было удивительно хорошо. Я на спал ни ночь, ни день до самой Уфы...»⁵⁴¹ Эта поездка, в которую С.Ф. Платонов отправился после смерти новорожденного сына, произвела на него благотворное влияние: «Я починил свои нервы Уралом (что за прелесть!)...»⁵⁴²

Прслеживается и обратная связь между регионом и университетскими центрами. Столичные историки участвовали в распространении научных знаний в провинции. По инициативе С-Петербургского археологического института в Перми была открыта Пермская ученая архивная комиссия. 5 июля 1888 г. состоялось первое учредительное собрание комиссии в присутствии известного историка М.И. Семева, а 6 июля 1889 г. в зале губернского правления последовало официальное ее открытие⁵⁴³.

С 1890-х гг. по стране прокатилась, так называемая, «лекционная эпидемия», когда ученые из столичных университетов гастролировали по городам и весям России с публичными лекциями. Докатилась она и до Урала. В июле 1911 г. на учительских курсах в Перми десять лекций по теме «Л.Н. Толстой в связи с общественными вопросами своего времени» прочитал профессор Петербургского историко-филологического факультета Бороздин, автор многих статей по истории литературы⁵⁴⁴.

Завершением всех образовательных инициатив должно было стать открытие на Урале собственного университета. Открытию предшествовали длительные переговоры. Оно было запланировано на 1915 г. В Пермь должен был эвакуироваться Юрьевский (Тартуский) университет. Для реализации этих планов велись официальные переговоры между Пермской городской управой и Министерством народного просвещения, кроме того, осуществлялся сбор средств на нужды будущего университета. Для усиления общественного резонанса были изданы две брошюры «Заря высшего просвещения на Урале – университет в Перми» и «Почему в случае эвакуации Юрьевский университет должен быть переведен в Пермь и что для этого необходимо?» Вопрос был решен в пользу столицы Западного Урала. Однако уже в момент начала эвакуации решение было изменено и вагоны с университетским инвентарем направились в Воронеж⁵⁴⁵.

Западный Урал наработал более тесные связи со столичными университетами, особенно, что закономерно, Санкт-Петербургским. Несмотря на сбой в эвакуации в Пермь Юрьевского университета, инициатива не была забыта. В 1916 г. в Перми появился филиал уже Петроградского университета. Сразу после открытия университета в Пермь был откомандирован Борис Дмитриевич Греков, а весной 1917 г. к чтению лекций приступил и Георгий Владимирович Вернадский. Открытие в Перми филиала Петроградского университета стало значимой образовательной инициативой, положившей начало распространению высшего образования в Уральском регионе, а также продолжившей формирование на Урале научных и исследовательских центров. Хотя, безусловно, провинциализм региона сохранялся довольно долго, а по большому счету не преодолен до сих пор.

Открытие нового университета и работа в нем были сопряжены со многими трудностями. Б.Д. Греков отмечал бытовую неустроенность жизни. В письме от 19 октября 1916 г., написанном спустя месяц после переезда в Пермь, Греков писал, что у него до сих пор нет квартиры и «трудно пристроиться, чтобы сесть и написать... Скоро, впрочем, конец моим мытарствам, и у меня будет и свой стол и свой стул. Я смогу

⁵⁴¹ Цит. по: Корзун В.П., Мамонтова М.А., Рыженко В.Г. Путешествия русских историков конца XIX – начала XX века как культурная традиция // Мир историка. XX век: Монография / Под ред. А.Н. Сахарова. М., 2002. С. 133.

⁵⁴² Там же.

⁵⁴³ Там же. С. 118 – 119.

⁵⁴⁴ Верхоланцев В.С. Город Пермь, его прошлое и настоящее. Краткий статистический очерк. 3-е издание, исправл. и дополн. Пермь, 2002. С. 83.

⁵⁴⁵ См., подробнее: Пермь от основания до наших дней. Исторические очерки / Под ред. М.Г. Нечаева. Пермь, 2000. С. 142 – 143.

заниматься». Однако не только отсутствие бытовых условий беспокоило историка. «Университет открыли. Только действует он вяло. Книг нет. Помещение плохо приспособлено. Если бы книги – было бы очень хорошо... война причина, все объясняющая», – сокрушался Борис Дмитриевич. «Работаю научно очень мало». Собственные книги, высланные из Петрограда 18 сентября, еще не получены, «готовлюсь к лекциям по своим собственным запискам. Просеминарскую работу еще не начинаю. Свою собственную работу тоже».⁵⁴⁶

Не радует Грекова и внешний вид города: «Улицы пермские похожи на улицы Лесного, на которые я показывал Вам во время гуляния. Мощенные улицы не все. Мощенные очень грязны, только мороз и снег уничтожают эту грязь».⁵⁴⁷ Внешний вид города в описаниях Грекова ничуть не изменился за несколько десятилетий. Одна из учениц В.О. Ключевского, также волею судеб оказавшаяся в Перми в 1890 г., так же отмечала провинциализм города.⁵⁴⁸

Вопрос о сложности научной работы в провинции волновал многих историков. Например, М.М. Богословский в одном из писем размышлял о «неизбежной черте провинциализма», которая состоит в необходимости ученого, работающего вдалеке от центра приближать изучаемый вопрос «к небольшому запасу провинциального архива, тогда как в центральном архиве мы подыскиваем материал к вопросу, поставленному во всю ширину».⁵⁴⁹ Но в то же время историки понимают, что без местных архивных материалов невозможно реконструировать всю полноту исторического прошлого. Выступая на съезде представителей губернских архивных комиссий, С.Ф. Платонов так обозначил эту позицию: «Мы, историки, знаем, что среди запасов, которые нам дает архивный фонд центральных архивных организаций, нам нельзя бывает спуститься на надлежащую глубину изучения народной жизни, и надо идти на места и там искать материалы для того, чтобы понять как должно явления местной социальной или даже государственной жизни».⁵⁵⁰

Таким образом, вторая половина XIX – начало XX вв. – время зарождения и интенсификации взаимоотношений между Уральским регионом и столичными университетами, которые вольно или невольно оказывали влияние на его культурный и научный облик. Формирование и укрепление этих взаимоотношений стало весомым результатом культурно-воспитательных, научных и образовательных инициатив центральной науки, начавшихся еще с середины XIX в.

**М.В. Гришкина
Ижевск**

СЕМЬЯ И ОБЩИНА В АДАПТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ УДМУРТСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА (XVII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

Существование человека в аграрно-традиционалистских обществах было всегда опосредовано коллективом: семьей, общиной – «родом, племенем», как постоянно подчеркивали удмурты в своих челобитных к органам власти. Взаимодействие, и позитивное и негативное, с государственными структурами и с миром в целом было опосредовано коллективом.

Коллектив был структурирован в иерархически организованную систему, состоящую из первичной ячейки – семьи, затем шло сообщество семейных коллективов

⁵⁴⁶ Цит. по: Горская Н.А. Борис Дмитриевич Греков // Портреты историков: Время и судьбы. В 2-х т. Том 1. Отечественная история. Москва – Иерусалим, 2000. С. 215 – 216.

⁵⁴⁷ Там же. С. 216.

⁵⁴⁸ НИОР РГБ. Ф. 131. К. 34. Ед. хр. 84. Л. 1 – 2 об.

⁵⁴⁹ Письма М.М. Богословского И.Ф. Рыбакову / НИОР РГБ. Ф. 714. К. 3. Ед. хр. 3. Л. 3об.

⁵⁵⁰ Платонов С.Ф. Труды первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений. СПб., 1914. С. 44.